

Н.А. Куценко

Восприятие идей немецкой классической философии в университетских философских школах Харькова и Одессы в первой половине – середине XIX века

В конце XVIII – начале XIX века произошли существенные изменения в основных направлениях развития европейской философской мысли, в котором немецкая классическая философия проявила себя как наиболее цельная. Она по праву определяется как вершина развития европейской философской мысли того времени¹. Наблюдая за процессом изучения и усвоения идей немецкой классической философии в высших учебных заведениях отдельных регионов Российской империи указанного периода, следует показать не только то, как происходил данный процесс, но и параллельно рассмотреть и проанализировать становление институционального философского знания как такового. Также необходимо выделить круг философских проблем, в котором отечественная философия играла роль благоприятной почвы для восприятия и интерпретации идей новой немецкой философии. По нашему мнению, это прежде всего этическая проблематика, являющаяся центральной в творчестве большинства отечественных мыслителей XIX века.

Начало распространения идей немецкой классической философии в России связано с восприятием философии Канта, его этики и гносеологии. Следует подчеркнуть, что российскому образованному обществу была близка философская позиция Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, которые стали своеобразными преемниками гуманистических идей французских просветителей, дав новое метафизическое развитие идее свободы. Во французском Просвещении свобода «провозглашалась», поэтому свободная са-

моделятельность человека рассматривалась лишь как результат воспитания, влияния среды, чувств и т. д., а не обосновывалась в процессе доказательства, логического выведения из теоретических постулатов. Кантовская критическая философия сыграла роль посредника в переходе от метафизической к диалектической теории свободы, т. е. к принципиально новому гносеологическому уровню ее объяснения, и то, что она выступила именно в такой форме, определяет уникальность ее исторического места, состоящего, во-первых, в ее собственном креативном значении, и, во-вторых, в ее методологической функции. Каждому мыслителю после Канта нужно было сначала выразить свое отношение к поднятым в критической философии вопросам и ответам на них, а затем, уже после осмысления идей Канта, определить свою дальнейшую эволюцию. Все это определенным образом выразилось и в отечественной философии.

Достаточно большое влияние на развитие философского образования в Российской империи оказывали реформы. Следует подчеркнуть, что на протяжении всего XIX века реформы в сфере светского и духовного образования осуществлялись практически непрерывно. По меткому замечанию П.Н.Милюкова: «Четыре раза в начале четырех царствований XIX века, русская высшая и средняя школа подвергалась коренной перестройке. Уже по этой периодичности учебных реформ можно догадаться, что они вызывались далеко не одними только педагогическими соображениями»². Подобное явление наблюдается и в наше время. В светском образовании реформы проводились и соответствующие циркуляры издавались в 1804, 1828, 1835, 1842, 1884 гг. В духовном образовании наиболее значительными были реформы 1814, 1869, 1910 гг. Оставив данный вопрос для отдельного рассмотрения, отметим лишь, что в России того времени существовало два вида высшего государственного образования – светское и духовное или богословское.

Во времена частых реформ высшей школы в XIX веке имел место и десятилетний период упразднения кафедр философии в университетах в 1850–1860 гг. Однако это вовсе не означало запрета преподавания философских дисциплин в светских высших учебных заведениях. Кто преподавал психологию (с подробной ее историей) и логику в университетах в это время? Те же профессора духовных академий. Некоторые исследователи называют дан-

ное преподавание «ущербным», а само десятилетие – «черным», «бесславленным», поскольку считалось, что профессора-богословы выступают против рациональности как таковой³.

К такому выводу приводит не совсем полное знание материала, т. е. фактической «карты преподавания» философских дисциплин в духовных академиях. В настоящее время подтверждено, что структурированное преподавание философских дисциплин в академиях как высших духовных учебных учреждениях, подчиненных государственному управлению (Синод – то же министерство), в итоге способствовало упорядочиванию преподавания философских предметов в университетах Империи как раз в упомянутое «черное» десятилетие, поскольку на основании работы специальной комиссии были составлены академические программы преподавания истории философии, психологии и логики⁴.

Изучая историю преподавания философских дисциплин в отечественной высшей школе, мы видим, что в первой четверти XIX века в Российской империи появляется сеть новых высших учебных заведений, в которых философия является обязательным предметом. На Украине в 1805 г. (в соответствии с уставом 1804 года) открывается первый университет – Харьковский, в 1816 г. – Лицей высших наук в Одессе (далее он будет часто фигурировать в литературе под названием «Ришельевский лицей»). В 1820 г. открыта Гимназия высших наук в Нежине. В 1819 г. Киевское духовное училище, семинария и академия реорганизуются в Киевскую духовную академию и Киевскую духовную семинарию. В 1834 г. открыт Киевский Императорский университет имени Святого Владимира. Преподаватели философских дисциплин в названных высших учебных заведениях не являлись сторонниками какой-то одной философской системы, обязательной для всех, к тому же каждому из них была уготована своя судьба и свой путь в «науке наук», многие были неординарными мыслителями и деятелями образования. Знакомство с творческим наследием некоторых из них начнем с первого университета на Украине – Харьковского.

В Харьковском университете философию Канта изучали на нравственно-политическом и физико-математическом отделениях. Философские взгляды Канта, а затем и Фихте, были достаточно широко известны, но по-разному оценивались преподавателями философии Харьковского университета – Й.Шадом, И.Гриневицем,

Л.Кронебергом, А.Дудровичем, Т.Осиповским, А.Стойковичем, Л.Якобом, П.Любовским. Среди названных личностей одной из наиболее ярких фигур был Йоган Баптист Шад⁵. Он первым на Украине, а также в Российской империи, показал в процессе преподавания сущность новой немецкой философии – диалектические основания анализа разумности во всех главных сферах человеческой деятельности. Несмотря на сравнительно недолгое время пребывания в Харькове и драматический финал философской карьеры Шада в России, он был, по словам Г. Шпета, «живым посланцем немецкой философии»⁶. Интересен не только сам Шад, но и его идеи, а точнее, «фихтеанская харьковская школа», по определению автора статьи, нашедшая свое воплощение в творчестве учеников: Г.Хлапонина, П.Ковалевского, И.Гриневича, А.Гавлича, П.Бразоля, Ст.Есикорского, П.Любовского, А.Дудровича, И.Любачинского, М.Павлова⁷.

Шад родился в крестьянской семье в поселке Мюрсбах в 1758 г. (по данным Д.Чижевского)⁸, либо в 1761 г. по другим данным. В 14 лет он поступил в иезуитский коллегиум, затем стал бенедиктинским монахом в городе Банце. Тяжело заболев, Шад написал «предсмертное» сатирическое произведение «Жизнь отца Синцера», в котором высмеивал житие монахов. За это сочинение он мог поплатиться собственной жизнью. Этого, однако, не случилось, поскольку, выздоровев, он сбежал из монастыря в Йену, где и начал заниматься философией, которой давно интересовался. В 40 лет Шад познакомился с философией Фихте и стал ее сторонником. За сочинение, посвященное популярному изложению учения Фихте, а также за напечатанные работы «Есть ли метафизика в учении Канта?» (1798) и «Дух философии нашего времени» (1800) Шад получил звание приват-доцента Йенского университета, где вскоре ему была присвоена степень доктора философии. В работе «Fichten System mit der Religion» изложение Шадам философии Фихте исполнено в стиле понятийного анализа. Данный стиль гармонически сочетает анализ рационального и иррационального в диалектике, охватывая собственно сущность фихтеанства. Обращаясь к проблемам философского осмысления свободы, как она подана в практической философии Канта, Шад высоко оценивает ее развитие и истолкование в философии Фихте, но окончательное решение данной проблемы находит для

себя в философии тождества Шеллинга. Таким образом, философские взгляды Шада можно рассматривать как пример усвоения процесса становления немецкой диалектики, которая сохраняет в себе все корневые первоисточники – философию Канта, а далее философию Фихте, Гегеля и Шеллинга. Для иллюстрации данной мысли рассмотрим, каким образом Шад анализирует основное положение Фихте «Я есть Я».

Шад склонен толковать это положение не как акт мышления, а как акт воли, которая является первичной основой любого мышления. Воля предполагает возможность самопознания путем определения в себе тождества субъективного и объективного. Причем это не только количественная, но и качественная тождественность – то начало философии, из которого выводится вся система категорий. Объяснение Шадом вопроса о тождестве интересно тем, что для воплощения такого тождества в реальность он не избирает сугубо философское поле, а как бы «доводит» единство фихтеанского «Я» до его действительного тождества именно в сфере практической философии, практической моральности, в которой и завершает рациональную абстракцию «Я», наполняя «Я» реальным содержанием. Такое шеллингианское тождество в трактовке центрального положения фихтеанства приводит Шада к оригинальному пониманию абсолютного философского принципа, который для него является сверхчувственной сферой абсолютной свободы, что и образует содержание абсолютного «Я»⁹. Весьма показателен тот факт, что сам Фихте, которого официально приглашали в Харьков, считал Шада своим единомышленником и рекомендовал его вместо себя на должность главы кафедры и преподавателя философии в Харьковском университете.

Д.И.Багалея в «Опыте истории Харьковского университета» пишет об этом так: «Филадельф Васильевич Каразин (сын основателя Харьковского университета. – *Н.К.*) рассказывает, что у него сохранились письма-ответы, адресованные Василию Назаровичу Каразину, от Фихте, Гильдебранда, Пуассона, Лабанда и других европейских известнейших особ, которые откликнулись достаточно положительно на их приглашение в Харьков»¹⁰. Шад был лично приглашен в Харьков попечителем Харьковского учебного округа графом Северином Потоцким, который пребывал в то время за границей, примечателен и тот факт, что их познакомил Гёте¹¹. Шад

был назначен профессором Харьковского университета 1 февраля 1804 г. Он преподавал по собственным записям логику, эмпирическую психологию, умозрительную философию, историю философии, теорию эстетики, издал на латинском языке несколько учебников: «Чистая логика», «Естественное право» (1814). Также в Харьковском университете были изданы его работы «Об окончательной цели человека» (1806), «О возвращении свободы Европе» (1815) и две актовые речи. Будучи представителем демократических взглядов, Шад был достаточно популярен в студенческой среде, но были у него и враги, например французский профессор Дегуров. Во время политической реакции в России на имя министра просвещения графа И.Разумовского пришло три доноса на Шада, два из них принадлежали Дегурову. В них «разоблачалась» биография Шада – беглого монаха, а также критиковалась его философская позиция – пропаганда рационализма и идей Шеллинга, что считалось несовместимым с официальным направлением деятельности Министерства¹². Разумовский ограничился предупреждением, а вот его преемник Голицын подал в кабинет министров прошение о немедленной высылке Шада за границу и уничтожении его учебников. Такими способами власть пыталась противостоять вольнодумству философа Шада и его влиянию, а также распространению его идей, изложенных в «Естественном праве», где обуславливается необходимость правовой гарантии категорического повеления: «По силе разума человек абсолютно свободен и сам для себя есть закон, а потому может принимать только то законодательство, которое отвечает разуму, и если по собственной воле может принять закон не совместимый с разумом, то в таком случае он утрачивает свою честь разумного существа»¹³.

По Шаду, закон разума и есть закон абсолютной свободы, и человек, приписывающий себе этот закон, должен с абсолютной необходимостью ему следовать. Абсолютная необходимость и абсолютная свобода уравнивают и гармонизируют друг друга, но не следует смешивать такую необходимость с необходимостью внешнею, как не смешиваем мы разум с рассудком. По Шаду, слишком резкое противопоставление теоретического и практического разума у Канта – причина его агностицизма и признания за разумом в конечном итоге только регулятивной функции. Разум должен не только направлять волю, но и руководить ею в стремле-

нии познать абсолютное, а в такой функции он всегда должен быть единым. Лишь тогда человек будет по-настоящему свободен, поскольку овладеет знанием не только об основаниях явлений, но и о возможностях этих явлений, что и возвратит ему разум, который будет способен к познанию идей, к чему, собственно, и стремился Кант. Таким образом, уделяя основное внимание гносеологическому толкованию свободы, дополняя Канта диалектическим монизмом Фихте, Шад не останавливается на единстве «Я» как таковом, а доводит его до тождества субъективного и объективного. Вначале «единство» выполняет в его гносеологических построениях роль тождества, а затем переходит в него непосредственно. Шад воплощал в своих взглядах развитие основополагающих идей немецкой философии, иллюстрируя высокий научный уровень последней и тенденции ее становления. Этот профессор философии был настоящим «подарком» для Харьковского университета. Он познакомил своих слушателей с наиболее фундаментальными идеями философии Канта, Фихте, Шеллинга, что предопределило не только критическое, но и продуктивное восприятие их воззрений, а также привело к формированию уже в первом десятилетии XIX века харьковской школы последователей немецкой классической философии.

В 1817 г. в Харькове при университете был издан первый в России перевод известной работы Фихте, название которой на русском языке тогда звучало так: «Яснейшее изложение, в чем заключается существенная сила новейшей философии...». В книге А.Галактионова и П.Никандрова говорится, что автором перевода был Й.Шад – единственный «значительный последователь» Фихте¹⁴. По этому поводу необходимо отметить, что Шад не владел русским языком и перевод принадлежит одному из его учеников. Нужно согласиться с Д.Чижевским, считавшим, что таковым был С.Т.Есикорский: на печатном экземпляре имеется сокращенная фамилия переводчика «С.Е-ский»¹⁵.

В диссертациях двух других учеников Шада – И.Гриневича и П.Ковалевского – значительное место уделено рассмотрению философии Канта. В диссертации И.Гриневича, которую он защитил в 1815 г., – «Размышление вступительное об исследовании философии и об истинной природе оной» – философская позиция Канта, особенно агностицизм, подвергается критическому анали-

зу. Но, давая оценку учению Канта, Гриневич подчеркивает, что критика чистого разума – это введение в историю философии, способное привести человека в страну счастья¹⁶. Те, кто обвинял Шада в рационализме, протестовали и против деятельности его учеников. Так, первый донос на профессора касался именно диссертаций Гриневича и Ковалевского, которых обвинили в прямом плагиате у Шада. Был поставлен вопрос о сопоставлении диссертации кандидата Гриневича с лекциями Шада¹⁷. Работы все же были защищены.

Оригинальной философской позицией, исходящей из объективно-идеалистического преодоления критической философии, выделялся ученик Шада П.Любовский. Назовем два труда, в которых он выступал как сторонник новой философии: «Сжатое руководство к опытному душесловию, исполненное П.Любовским императорского Харьковского университета философии магистром» (Харьков, 1815) и «Опыт логики, исполненный П.Любовским, слободско-украинской гимназии учителем» (Харьков, 1818). Почему П.Любовский, который мог сделать прекрасную карьеру в высшей школе, стал учителем слободской гимназии? Очевидно, он просто не отступил от своих научных интересов, был гоним, но такая позиция несомненно достойна уважения.

Андрей Иванович Дудрович, ученик и последователь Шада, занявший после изгнания последнего кафедру философии в университете, защитил в 1814 г., еще при своем учителе, докторскую диссертацию «*De philosophiae genuino Conceptu nec non necessitates ejus absoluta*» («О врожденном понятии философии и абсолютной ее необходимости»). Дудрович анализировал учения как Канта и Фихте, так и Гегеля и Шеллинга, усматривая высший пункт развития диалектики именно у Шеллинга; тем не менее, он долгое время оставался сторонником Канта.

Наступление на новаторские идеи новой немецкой философии продолжалось на официальном уровне и после высылки Шада из Российской империи. Так, Дудрович подвергся специальному письменному допросу о предмете его философской позиции. Письменные ответы были рассмотрены на заседании университета 17 декабря 1819 г. и получили следующую характеристику Тимофея Федоровича Осиповского, известного критика кантовской философии, который в то время был ректором Харьковского

университета: «В них изложено только состояние новой германской философии, которая со времени Канта, отобрав у духа естественные основания разумения, не оставила разуму ничего, кроме произведения одних фантазий»¹⁸. В целом в лице Осиповского, который еще в 1803 г. был утвержден профессором математики в Харьковском университете, оппозиция философии Канта получила одного из наиболее радикальных сторонников. Его критику взглядов Канта на пространство и время, проведенную с естественно-научной точки зрения, в некоторых аспектах можно считать правомерной, однако она является слишком односторонней и подводит к заключению о том, будто бы Кант в теории познания занимается только выяснением причин восприятия человеком пространства и времени, а не познанием в целом. Поэтому такого рода критику надо рассматривать скорее как протест против метафизического (читай – философского) мышления, чем как фундаментальное развитие диалектических идей. Данная позиция ярко выражена в изданной актовой речи Осиповского «Размышление о динамической системе Канта» (Харьков, 1813). Аналогичной представляется и критика динамической позиции Канта, высказанная в работе А.И.Стойковича «Система физики» (Харьков, 1813), однако не в такой резкой форме, как у Осиповского, за что сам Стойкович был раскритикован ректором.

Естественно, что философия Канта и последующих немецких мыслителей не всегда получала только позитивные оценки. Но в том и заключается ее историческая роль, что она пробуждала философское сознание к критике и развитию того потенциала, который несла в себе. И все-таки сторонников новой немецкой философии было больше, чем ее противников, особенно в Харьковском университете. К тем сторонникам, кого мы упомянули выше, следует добавить профессора классической филологии Й.Хр.Кронеберга – обрусевшего немца, который получил университетское образование в Галле и Йене. Еще один профессор – Людвиг Генрих Якоб – высказывал свою позитивную оценку Канта и особенно его практической философии¹⁹. Якоб с 1787 г. был профессором, а с 1794 по 1806 гг. – ректором университета в Галле. Идеи немецкой классической философии нашли свое выражение в текстах его учебников по логике, прикладной психологии, моральной философии, естественному праву, эстетике. Также им был написан «Курс

философии для гимназий Российской империи. В шести частях», изданный в Харькове в 1814 г. Затем данный курс был дополнен еще двумя частями и переиздан в Санкт-Петербурге в 1817 г.

Мы считаем, что в целом Харьковская школа философии в первой четверти XIX века дает **интереснейший материал для серьезного исследования**. То позитивное ее достижение, которое имело особенно важное значение, связано именно с изучением немецкой классической философии. Важно, что знакомство с этой философией происходило на территории всей южной Украины. В данном вопросе сыграл свою роль и Одесский лицей высших наук, позднее – Новороссийский университет, выпускником которого в свое время станет Георгий Васильевич Флоровский – известный историк русского богословия и философии.

Интересная трактовка идей философии Канта дана Константином Зеленецким, который с 1837 по 1858 гг. был профессором российской словесности в этом лицее. Как оригинальную можно оценить и позицию Иосифа Михневича, также профессора философии в Одессе, выпускника Киевской духовной академии. Для него наибольшим авторитетом среди представителей новой немецкой философии был Шеллинг: «Поскольку система Гегеля была лишь претворением системы Шеллинга, то это первенство по заслугам должен иметь тот, кто положил начало данному претворению, то есть Шеллинг»²⁰.

Вместе с тем, Михневич учитывает и тот шаг вперед, который был сделан в развитии философии Гегелем. Он говорит о «преобразовании» Гегелем системы Шеллинга, что и завершило процесс теоретического построения спекулятивной диалектики. Началом этого процесса была дуалистическая философия Канта, продолжением – субъективно-идеалистическая философская система Фихте, которую Михневич считает прологом учения о тождестве. Он оценивает системы немецкого идеализма не столько по их содержанию, сколько по конкретно-историческому месту в процессе развития диалектики.

В данном процессе философия Фихте характеризуется им как первая система диалектики. Именно ее первичность оправдывает субъективно-идеалистическую форму построения. Следует отметить, что содержание «Наукоучения» оценивается Михневичем как субъективно-идеалистическое: «Не видя ничего, кроме себя, Фихте хотел найти всё в себе и поэтому перенес в “Я” не только все су-

щества сотворенные, но и самого их творца, так что мир стал для него суммой не вещей, а мыслей, а Бог превратился в чистую идею человеческого разума»²¹. Характеристика, которую давал Михневич немецкой идеалистической философии, показывает, что он четко определил ее ведущее место в мировой философской культуре.

Одним из интереснейших документов, доказывающим прямые контакты отечественных преподавателей философии с представителями немецкой классической философии, является автограф Шеллинга. Это письменное послание, отправленное великим философом в Одессу доктору Швабахеру, мы обнаружили в архиве Одесского общества истории и древностей российских. Часть данного архива находится в Одесском областном архиве, другая часть – в Институте рукописей при библиотеке Национальной академии наук Украины в Киеве, куда архивные документы поступили после окончания Великой отечественной войны.

Уделим внимание самому Одесскому обществу истории и древностей, поскольку его деятельность представляет большой интерес для гуманитарной науки и философии в частности, но на сегодняшний день мало изучена. Распространение научных гуманитарных обществ на территории Российской империи наблюдается с 30-х гг. XIX века²². Возвышение такого рода обществ как тогда, так и сейчас важно не только в качестве реакции на сиюминутные проблемы и вызовы определенного времени. Существенной тенденцией в их деятельности было стремление понять истоки, первоначала, генезис той культуры и тех способов ее бытования, которые возникли и типологически сформировались во времена христианизации Руси. Большую роль сыграло и государство, учредившее в 1834 г. по Высочайшему указу Археографическую комиссию по разбору древних актов при Министерстве народного просвещения. Особо показательными в данном плане являются деятельность Русского археологического и Русского исторического обществ, губернских архивных комиссий и других научных объединений и организаций. В 1887 г. было основано Общество любителей древней письменности (ОЛДП), которое до закрытия в 1917 г. опубликовало 190 томов «Памятников древней письменности» и 120 номерных выпусков ОЛДП с воспроизведением памятников древнерусской письменности с соответствующими исследованиями и комментариями. Многие из них были переводами с греческого языка.

Подобные общества, более или менее крупные, возникали не только в столичных городах, но и по всей Российской империи. В южных регионах страны лидерами были Киев, Харьков, Одесса, Николаев, Херсон, Нежин – города, в которых функционировали высшие светские и духовные учебные заведения. Эти же города являлись местами компактного проживания греческого населения. Во второй четверти XIX века были популярны исторические общества, объединявшие в своем составе весь цвет многонациональной интеллигенции того или иного региона. В данном плане нам и интересна деятельность Одесского общества истории и древностей, возникшего по инициативе граждан города в 1839 г. Оно стало практически первым из вышеназванных гуманитарных обществ. При его поддержке проводились исторические, археологические, палеографические, нумизматические, топографические исследования Новороссийского края и Бессарабии²³.

В 1841 г. действительными членами общества числились 49 человек, почетными – 6, корреспондентами в России и за границей состояли 22 человека. Почетным председателем являлся граф М.С.Воронцов, почетными членами в разные годы были начальник Черноморского флота и портов вице-адмирал М.Лазарев, митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров), архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов), министр внутренних дел граф Мусин-Пушкин. В указанное время председателем общества состоял Дмитрий Максимович-Княжевич, вице-председателем – Александр Скарлатович Стурдза. Членами общества в основном были неравнодушные к прошлой истории края ученые, церковные и государственные деятели, среди них вышеупомянутые профессора философии Ришельевского лицея высших наук К.П.Зеленецкий, И.Г.Михневич, известный филолог И.И.Срезневский и многие другие выдающиеся исторические персоны, в том числе и упоминавшийся выше доктор Швабахер. Отчеты общества в силу своей научной важности ежегодно представлялись министру просвещения и почетному президенту.

Для иллюстрации сказанного приведем весьма показательные отрывки из «Речи Тайного Советника А.С.Стурдзы, произнесенной на открытии Одесского общества истории и древностей 25 апреля 1839 г.»: «В составе гражданских обществ первый признак благородного сознания и стремления к совершенству обнаруживается вниманием к былому, любовью к древности, тщательным исследо-

ванием и хранением священного состояния предков. ... Летописи всех времен единогласно свидетельствуют, что повсюду времена упадка государства и нравственного растрепывания народов ознаменовывались неведением древности, каким-то нелепым презрением к вещему ее голосу, наконец, искажением языка предков. Наука истории и древностей восстанавливает спасительное равновесие прибыточными и высшими, благороднейшими занятиями ума человеческого. ... Наше Общество вознамерилось изучать историю и древности, нумизматику, палеографию и лингвистику (языкознание) в неразрывной их связи и взаимном соприкосновении»²⁴.

В данной статье мы представляем цифровую копию самого письма Шеллинга, его транскрипцию и перевод, которые любезно осуществлены исследователем творчества немецкого философа П.В.Резвых.

Dem Wunsch des Herrn Dr. Schwabacher gern entsprechend bemerke ich, daß derselbe von der Zeit her, da er auf der Universität München mein Zuhörer gewesen, mir als ein vorzüglich begabter, kenntnißreicher und intelligenter, jeder Empfehlung würdiger Mann bekannt ist.

Berlin d. 1sten Nov. 1846

Schelling

Охотно отвечая на пожелание г-на д-ра Швабахера, свидетельствую, что он с того времени, когда был моим слушателем в Мюнхенском университете, известен мне как человек превосходно одаренный, знающий и умный, достойный всяческих рекомендаций.

Берлин, 1 ноября 1846 г.

Шеллинг

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что институциональная философия на южной Украине, как части Российской империи, в первой половине XIX века во многом отвечала уровню общеевропейского развития философской культуры, к тому же она обладала в процессе своего становления достаточно характерными отличительными чертами, сделавшими ее той благоприятной почвой, на которой получили развитие и интерпретацию новаторские философские идеи, в частности, идеи новой немецкой философии.

$\hat{v}, 3506$

Ihre Würd. Lieb. Gedr. Dr.
Schwabacher gew. rathh. rath
bemerkte, daß daselbst von der Zeit
an, da er auf der Universität zu Marburg
sein Studium begonnen, nicht als ein
ordentliches Mitglied, sondern als ein
nichtregulierendes, in der Gesellschaft
unwürdiger Mann bekannt ist.

Berlin 7. Jan. 1848.

Spring

Примечания

- ¹ Мотрошилова Н.В. Социально-исторические корни немецкой классической философии. М., 1990. С. 14.
- ² Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М., 1994. С. 279–280.
- ³ Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные цели. М., 2003. С. 156.
- ⁴ Куценко Н.А. Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы (Новые материалы). М., 2005.
- ⁵ Почапский А.М. Развитие философской мысли на Украине: Первая половина XIX века. Киев, 1984. С. 688.
- ⁶ Шнем Г. Очерк развития русской философии // Шнем Г. Сочинения. М., 1989. С. 102.
- ⁷ Там же. С. 125.
- ⁸ Чижевский Д. Нариси з історії філософії на Україні. Париж, 1931. С. 69.
- ⁹ См.: Тевзадзе Г.В. Проблема силы воображения в философии Й.Б.Шада // Философская и социологическая мысль. № 4. Киев, 1989.
- ¹⁰ Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). В 2 т. Харьков, 1904. Т. 1. С. 136.
- ¹¹ Там же. С. 136.
- ¹² Там же. С. 44.
- ¹³ Лавровский Н. Эпизод из истории Харьковского университета // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1873. Кн. 2. С. 46.
- ¹⁴ Галактионов А., Никандров П. Русская философия IX – XIX веков. М., 1961. С. 176.
- ¹⁵ Чижевский Д. Цит. соч. С. 73.
- ¹⁶ Емельянов Б.В., Томилов В.Г. Н.В.Станкевич как историк и критик немецкой философии конца XVIII – начала XIX веков // Кантовский сборник. Калининград, 1987. С. 64.
- ¹⁷ Багалей Д.И. Цит. соч. Т. 2. С. 42.
- ¹⁸ Чижевский Д. Цит. соч. С. 470.
- ¹⁹ Радлов Э. Очерк истории русской философии. Петроград, 1920. С. 15.
- ²⁰ Михневич И. Опыт изложения системы Шеллинга, рассматриваемый в связи с системами других германских философов. Речь, 3 мая 1850 г. Одесса, 1850. С. 7.
- ²¹ Там же. С. 93.
- ²² См.: Соболев А.В. Кому и зачем нужны философские общества и кружки? // Христианская мысль. № 4. Киев. 2007; Половинкин С.М. Религиозно-философские кружки и общества в Москве. Там же.
- ²³ См.: Государственный архив Одесской области. Описи архивных материалов «Одесского общества истории и древностей». Фонд № 59. № 17–22.
- ²⁴ Отдел изданий Национальной библиотеки Украины им. В.Вернадского. Фонд. V. 518–533. С. 41–45.